

Как война мешала нефти

Эти дни исполняется ровно 50 лет первому нефтяному кризису 1973 г., который перевернул мир. Тогда события на нефтяном рынке загнали экономику капиталистических стран – нефтемпортёров в глубочайший после Второй мировой войны экономический кризис 1974–1975 гг. А в мировой энергетике развернули вектор экономического развития капиталистических стран от энергорасточительного к энергоэффективному производству и потреблению.

Нынешняя арабо-израильская война приурочена к 50-летию начала войны Судного дня 1973 г. Но поведение нефтяных цен в течение первой недели нынешней войны никак не похоже на кризисные явления на рынке.

В понедельник, 9 октября 2023 г. (первый день биржевой торговли после перерыва на выходных и первый торговый день после начала арабо-израильского конфликта), нефтяные цены выросли до \$88/барр. с \$85/барр. в пятницу, 6 октября (последний торговый день до начала конфликта). Вряд ли рост на 3–4% – а такова была мгновенная реакция рынка на начало военных действий – можно назвать заметной «военной премией». Затем цены снизились на \$2/барр., но к 13 октября вновь поднялись, уже до \$91/барр. Но даже не отыграли падения с пиковых значений в середине и конце сентября \$95/барр. Такую реакцию рынка никак нельзя назвать кризисной – скорее, она остается в рамках текущих конъюнктурных колебаний (диапазон котировок Brent в течение прошедшего года – от \$72 до \$98/барр.).

Не думаю, что мы увидим дальнейшие резкие колебания котировок от нынешнего палестино-израильского конфликта. Почему же нынешняя «военная премия» невелика на фоне ее предыдущих аналогов?

НЕФТЯНОЙ КРИЗИС 1973 Г.

Событийную канву того времени блестяще и подробно описал Дэн Йергин в своей получившей Пулитцеровскую премию «Добыче», к которой и рекомендую обратиться за деталями. В ходе арабо-израильской войны Судного дня, продолжавшейся с 6 по 25 октября 1973 г., страны – члены ОАПЕК (Организация арабских стран – экспортёров нефти, в которую входили арабские страны – члены ОПЕК, а также Сирия и Египет) 16 октября сначала на 70% подняли свои официальные отпускные цены на нефть до \$5,11/барр. – до уровня взметнувшихся вверх с началом военных действий нефтяных цен на небольшом тогда рынке разовых сделок. А 17 октября ввели 5%-ное эмбарго на поставки нефти странам, поддерживавшим Израиль в этой войне.

Это запустило цепочку необратимых перемен в мировой политике, экономике, энергетике. До конца 1973 г. страны ОПЕК еще подняли цены – до \$12/барр., это четырехкратный рост в течение года. Обоснование повышения – необходимость перераспределения ресурсной ренты в пользу государств – собственников нефтяных ресурсов, поскольку две трети ренты (по цепочке от добычи нефти до конечного использования нефтепродуктов) извлекалось в виде налогов в странах-потребителях и лишь

Андрей Конопляник

член научного совета РАН по системным исследованиям энергетики

около 10% приходилось на долю нефтедобывающих государств – собственников нефтяных ресурсов. В ходе следующего потрясения нефтяного рынка, связанного с революцией в Иране в 1979–1980 гг., страны ОПЕК еще выше подняли нефтяные цены – до \$40/барр. Это 20-кратный рост за 10 лет.

Так в 1970-е гг. в мире появился новый центр политической силы, подкрепленный зависимостью мировой экономики от нефти вообще и нефти ОПЕК в частности. На том историческом этапе это была поначалу безальтернативная зависимость капиталистической экономики от консолидированной нефтяной мощи государств – членов ОПЕК. Которая сохранялась, постепенно размываясь, до середины 1980-х гг.

НЕФТЯНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Мировая нефтяная промышленность в начале 1970-х гг. не была диверсифицирована (узкий круг производителей), зависела в основном от поставок из стран ОПЕК. В них были сосредоточены

основные добывающие мощности вертикально-интегрированных нефтяных компаний Международного нефтяного картеля (МНК), обеспечивающих мировое послевоенное нефтеснабжение. Эти мощности в 1970-е гг. перешли под контроль государств ОПЕК, и на их основе были образованы национальные нефтяные компании этих стран, которые стали сами устанавливать цены на добываемую и продаваемую ими нефть. В начале 1970-х в странах-потребителях не было стратегических резервов для хранения добытой нефти на случай перерыва в поставках. Уровень информационной проницаемости рынка был очень низким – информацией владел и распоряжался узкий круг участников сделок.

Нефтяной кризис 1973 г. запустил четырехэтапную (по принципу матрешки – каждый последующий этап в дополнение к предыдущим) трансформацию мировой энергетике. Первый – попытка «ухода от нефти ОПЕК»: расширение географии добычи за пределами стран – членов ОПЕК. Второй – попытка «ухода от нефти»: замещение нефти другими, ставшими более дешевыми, энергоресурсами. Третий – «замещение (ставшей дорогой) энергии (дешевым) живым трудом»: перенос энергоёмких производств в развивающиеся страны. Четвертый – «замещение энергии капиталом»: всемерное повышение эффективности использования энергии во всех звеньях производственно-сбытовых цепочек, переход от энергорасточительно-го использования дешевой, до нефтяного кризиса, энергии к энергоэффективному использованию энергии, ставшей многократно более дорогой после кризиса.

Уже в начале 1980-х эти меры дали свой первый эффект. В частности, произошла смена механизмов ценообразования на нефть и тех, кто устанавливает цену. До 1973 г. это были компании МНК, с 1973 по 1985 г. – страны ОПЕК. С 1986 г. нефтяное ценообразование ушло на биржу.

Запущенная событиями 1973 г. энергетическая трансформация продолжается и в настоящее время, но теперь к ней добавилось (результат Парижского соглашения 2015 г.) замещение высокоэмиссионных энерготехнологий (характеризующихся повышенными выбросами тепличных газов) низкоэмиссионными.

Итак, с 1986 г. мировые цены на нефть определяются на ключевых биржевых площадках, причем с начала 2000-х гг. преимущественно биржевыми спекулянтами, т. е. теми, кто торгует «бумажной» нефтью, а не нефтью «физической». То есть увеличилась нервность (волатильность) рынка, он чутко реагирует на малейшие угрозы нефтеснабжению. Резко выросли диверсифицированность (множественность источников добычи и путей доставки) и информационная проницаемость рынка. За движениями рыночных игроков специалисты могут наблюдать практически в режиме реального времени.

Результаты трансформации нефтяного рынка проявились, например, уже в его реакции на «Войну в Заливе». 2 августа 1990 г. произошло вторжение Ирака в Кувейт, в самом центре крупнейшего очага мирового нефтеснабжения. Среднемесячная цена на нефть выросла с \$17 в июле до \$36/барр. в октябре, т. е. уже всего вдвое. Резкий скачок цен продолжался всего три месяца, потом цены вернулись вниз – результат рыночной трансформации.

РИСКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОНФЛИКТА

Понятно, что сегодняшний арабо-израильский конфликт угрозы основным нефтяным потокам или основным производственным мощностям по добыче не несет. Участ-

ники рынка видят это в режиме реального времени. Поэтому и реагируют вяло. Биржевая торговля торгует ожиданиями, неопределенностями. В сегодняшней ситуации (осени 2023 г.) рыночных неопределенностей для участников нефтяного рынка нет – если конфликт останется локальным.

Стороны палестино-израильского конфликта находятся рядом, но даже не на периферии нефтяной инфраструктуры, а за ее пределами, не на путях торговых нефтяных потоков. То есть нет прямой угрозы ни мощностям, ни торговым потокам, нет оснований увеличивать страховые премии.

Какая нефтяная инфраструктура в зоне ближайшего риска? Суэцкий канал. Из примерно 40 млн барр./сутки сырой нефти, импортируемой морским путем, около 2 млн барр./сутки прошли через Суэцкий канал, т. е. порядка 5% мировой торговли нефтью. Предположим, конфликт вовлечет в свою орбиту соседние страны и приведет к закрытию Суэцкого канала. Но даже это, полагаю, не приведет к резкому повышению цен или страховых котировок. Хотя может еще процентов на 5 увеличить нефтяные цены. Почему?

Во-первых, это продемонстрировал в марте 2021 г. инцидент в Суэцком канале, когда движение по нему было заблокировано на шесть дней из-за того, что там сел на мель контейнеровоз Eber Given. Блокировка канала (простой судов) обходилась мировой торговле в \$400 млн/ч, около \$10 млрд/сутки. Блокировка движения танкеров с арабской нефтью по Суэцкому каналу в первые сутки после инцидента привела к подорожанию нефти более чем на 5%. При этом за неделю цены на перевозку нефтепродуктов морским путем выросли почти в 2 раза, одной из причин стала пробка в Суэцком канале. Поэтому цены могут вырасти, если конфликт расширится и вовлечет какие-то элементы нефтяной инфраструктуры.

Во-вторых, в мире сегодня есть сдерживающие рост цен из-за возможного перерыва в поставках факторы:

■ Накопленные стратегические резервы и коммерческие запасы во многих странах, чтобы за их счет компенсировать краткосрочное сокращение поставок.

■ Резервы добывающих мощностей, чтобы нарастить добычу. Напомним, ОПЕК-плюс, в первую очередь Саудовская Аравия и Россия, поддерживают добровольное сокращение добычи.

■ Опыт адаптации нефтетрейдеров к нарушению логистики поставок. В пользу этого говорит, например, опыт довольно быстрого, но все равно измеряемого несколькими месяцами, преодоления Россией санкционных ограничений на экспорт нефти.

Все это – результат длительной структурной трансформации нефтяного рынка, запущенной событиями осени 1973 г. Поэтому, полагаю, если цены и вырастут, то ненамного. Текущие колебания нефтяных цен в связи с палестино-израильским конфликтом носят исключительно спекулятивный и психологический характер в расчете на неквалифицированных торговцев («бельгийского стоматолога»), которые могут ожидать роста цен из-за военного конфликта вблизи основного очага ее производства. Ведь военный конфликт в Сирии (в такой же относительной близости к важной нефтяной инфраструктуре – нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан) не привел к росту нефтяных цен, и даже текущие (последних дней) разрушения на сирийских нефтепромыслах не повлияли на ценовую динамику.

gettyimages®
Credit: PhotoQuest